
Записки графа Н. П. Игнатьева ¹⁾.

1864—1874.

Утобы дать понятіе о затрудненіяхъ, какія русской миссіи въ Константинополѣ пришлось преодолевать въ 1869 г., вскорѣ послѣ Парижской конференціи, графъ Игнатьевъ разбираетъ отношенія Россіи къ турецкому правительству, къ христіанскому населенію въ Турціи и къ западнымъ державамъ, какъ они сложились въ ту пору на почвѣ восточнаго вопроса.

„Когда улегся подъемъ духа, вызванный возстаніемъ, среди нашихъ единовѣрцевъ возродилось прежнее соперничество“, говоритъ гр. Игнатьевъ. „Особенно оно сильно проявилось между болгарами и греками. Послѣдніе отдалились также отъ сербовъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они не пришли на помощь несчастнымъ критянамъ и воспользовались бѣдствіями Греціи, чтобы добиться отъ Порты нѣкоторыхъ уступокъ для себя лично. Нѣкоторая холодность наступила также въ отношеніяхъ сербовъ къ болгарамъ, кроатамъ и черногорцамъ. Это открыло широкое поле вліянію западныхъ державъ, которыя воспользовались обстоятельствами и своими интригами посѣяли въ умахъ нашихъ единовѣрцевъ недоувѣріе къ намъ; послѣдніе не знали, кого имъ выгоднѣе было держаться; ихъ прельщали матеріальныя выгоды, которыя сулили имъ западныя державы, но они могли ими воспользоваться не иначе, какъ живя въ мирѣ съ Турціей“.

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

„Такимъ образомъ, говоритъ гр. Н. П. Игнатъевъ, несмотря на то, что державы подписали 18 октября 1867 г. актъ о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи, несмотря на то, что этотъ актъ угрожалъ, казалось, Портѣ полнымъ одиночествомъ, ея положеніе послѣ Парижской конференціи значительно улучшилось; тамъ, гдѣ народныя волненія такъ недавно создавали Турціи безчисленныя тревоги и опасенія—тамъ водворилось такое спокойствіе, какимъ она пользовалась только въ самый цвѣтушій періодъ своего существованія. Стеченіе въ высшей степени благопріятныхъ для Турціи обстоятельствъ упрочило власть султана во всѣхъ частяхъ имперіи. Неудача критскаго возстанія парализовала освободительныя стремленія христіанскихъ подданныхъ Турціи. Славяне и греки были совершенно обезсилены двухлѣтной борьбою, истощившей ихъ средства... униженная и разоренная Греція не могла долѣе противостоятъ Турціи.

Любопытно, что ни турки, ни ихъ западные доброжелатели не признавали, какъ говоритъ гр. Н. П., что создавшееся положеніе было только результатомъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ; они видѣли въ немъ признакъ внутренняго возрожденія Турціи и спѣшили использовать обстоятельства, чтобы усилить свою власть.

Отрѣшившись отчасти отъ мусульманскаго фанатизма, турецкіе сановники, стоявшіе во главѣ управленія, начали проявлять новыя стремленія въ европейскомъ духѣ, и это создавало русскимъ дипломатамъ гораздо болѣе серьезныя затрудненія, нежели прежняя турецкая нетерпимость, къ которой они уже успѣли примѣниться.

Отмѣчая эту перемѣну и дѣлая попытку намѣтить дальнѣйшій образъ дѣйствій, которому должна была слѣдовать Россія, гр. Игнатъевъ, въ запискѣ, препровожденной имъ въ это время въ министерство, писалъ:

„Турція такъ прочно связана съ Европой многочисленными матеріальными, финансовыми и политическими узами, что она едва-ли станетъ считаться съ нами. Допустивъ даже, что она была бы склонна къ этому, что мало вѣроятно, ей будетъ трудно совлечь съ себя путы, которыя ее связываютъ, если мы со своей стороны не будемъ дѣйствовать энергично, опираясь на нашихъ союзниковъ или завоевавъ болѣе вліятельное положеніе среди европейскихъ державъ. Турціи со всѣхъ сторонъ внушаютъ недовѣріе къ намъ; противъ насъ дѣйствуетъ политическая и религіозная пропаганда; Турція кишитъ польскими агентами

и хотя бы она была гораздо сильнѣе и независимѣе, ей трудно противостоятъ производимому на нее давленію. Она боится болѣе всего Наполеоновской Франціи, ея могущества и предприимчивости и до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся излѣчить Турцію отъ этой боязни, намъ не удастся отстоять нашихъ интересовъ въ Константинополѣ. Порта довѣряетъ политикѣ Англии, ея интересы тѣсно связаны съ интересами Австро-Венгрии ¹⁾, къ намъ же она не можетъ чувствовать ни страха, ни довѣрія. Она видѣла послѣднее время, что мы вели противъ нея дипломатическую кампанію, и что Европа постоянно вмѣшивалась въ это и парализовала наши усилія... Любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбно отмѣтить, что наша мнимая враждебность къ Портѣ принесла ей пользу, давъ ей какъ бы право на покровительство Европы. Поэтому естественно недоувѣріе, съ какимъ относятся къ намъ турецкіе министры, тѣмъ болѣе, что представители западныхъ державъ постоянно твердятъ туркамъ, что Европа оказываетъ Портѣ поддержку постолько, поскольку она оказываетъ противодѣйствіе нашей политикѣ и отдаляется отъ насъ“.

Всегда готовая слѣдовать совѣтамъ западныхъ державъ, Турція особенно охотно прислушивалась къ совѣтамъ тѣхъ лицъ, которыя склоняли ее противустоятъ ея могущественному сосѣду и проявлять свою власть надъ христіанскими подданными. Этому чрезвычайно благопріятствовало измѣнившееся положеніе вещей; въ то время, какъ христіане были обезоружены, разъединены и пали духомъ, положеніе Турціи сильно измѣнилось къ лучшему. Турція успѣла реорганизовать и усилить за это время свой флотъ, преобразовала, и укомплектовала армію, сформировала милицію, улучшила свои финансы. Наконецъ, посѣщеніе Константинополя въ 1869 г. коронованными особами и принцами крови возвысило престижъ султана въ глазахъ мусульманъ и христіанъ и окончательно убѣдило Порту въ томъ, что симпатіи державъ были на ея сторонѣ. Пребываніе на берегахъ Босфора императрицы Евгеніи и императора австрійскаго совпало съ моментомъ наибольшаго вліянія на Турцію западныхъ ²⁾ державъ. Гр. Андраши предлагалъ въ то время Али-пашѣ военную поддержку Австро-Венгрии противъ Россіи, совѣтовалъ ему дать населенію Боснии и Герцоговины нѣко-

¹⁾ Какъ странно теперь это читать? Конечно, не прозрѣвалъ въ тогдашнее время гр. Игнатъевъ настоящія событія. *Ред.*

²⁾ Впослѣдствіи Вильгельмъ II предпринялъ такое же путешествіе въ Турцію. *Ред.*

торыя льготы, чтобы умалить наше вліяніе на эти княжества, наконецъ предлагалъ Турціи нѣкоторыя територіальныя пріобрѣтенія за нашъ счетъ.

Парализовать эти враждебныя намъ вліянія, какъ признаетъ гр. Игнатьевъ было нелегко, но это ему до извѣстной степени удалось; цѣль, которую преслѣдовали наши политическіе противники, не была ими достигнута, но наши отношенія къ Турціи все-таки были натянуты, и между нами и западными державами установилось единство взглядовъ относительно дѣлъ на Востокѣ. Наша умѣренность и миролюбіе никѣмъ не были оцѣнены; они дали державамъ только поводъ дѣйствовать смѣлѣе и агрессивнѣе. Какъ только въ Константинополѣ возникалъ какой-нибудь серьезный вопросъ, Австрія, Англія и Франція возставали тотчасъ противъ насъ какъ одинъ человекъ, Италия склонялась обыкновенно на сторону Франціи, а Пруссія колебалась между тѣми и другими ¹⁾).

Въ своей враждебности къ намъ западныя державы поступались даже нерѣдко своими собственными интересами въ Турціи, лишь бы не ослабить Порту въ нашу пользу. По этимъ соображеніямъ была, напр., оставлена мысль о совмѣстномъ контролѣ державъ за дѣйствіями Порты.

Первое время послѣ заключенія Парижскаго договора, когда Наполеонъ III еще надѣялся вовлечь насъ въ орбиту своей политики, и представитель его въ Константинополѣ имѣлъ обыкновеніе совѣщаться съ чинами нашего посольства въ дѣлахъ, затрогивавшихъ общіе интересы, но мало по малу онъ оставилъ эту привычку.

Наше затруднительное положеніе осложнилось въ это время тѣмъ, что Австрія, послѣ разгрома при Садовой не дерзавшая возвышать своего голоса, теперь окрѣпла и стремилась занять преобладающее положеніе на Востокѣ. Въ ея внутреннемъ управленіи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ получилъ замѣтное преобладаніе венгерскій элементъ и мадьяры старались подчинить своему вліянію австрійскихъ славянъ и внушить имъ мысль, что всѣ ихъ желанія могли осуществиться лишь при условіи, если они признаютъ свою солидарность съ Австріей, не будутъ искать соединенія съ Сербіей и порвутъ всѣ сношенія съ Россіей. Пропагандируя эти мысли при посредствѣ тайныхъ агентовъ и прессы, венгерскія власти лелѣжали надежду присоединить къ двуединой монархіи Боснію и Герцоговину, а

¹⁾ Какъ это перемѣнилось теперь, когда Англо-Французскій флотъ бомбардируютъ Дарданеллы. *Ред.*

затѣмъ и Румынію, утвердивъ свою власть на всемъ теченіи Дуная. Если бы это удалось, то рѣшеніе Восточнаго вопроса оказалось бы въ рукахъ Австро-Венгріи и Россія была бы отдѣлена отъ своихъ единовѣрцевъ большой преградой.

Таковы были мечты Венгріи въ 1867 г.; осуществить ихъ ей не удалось. Государственные дѣятели Венгріи поняли наконецъ, что самостоятельная политическая роль, которую они хотѣли играть, не соотвѣтствовала ни фактическимъ силамъ населенія, ни финансовому положенію страны¹⁾; это заставило ихъ взглянуть на будущее болѣе трезво и измѣнить свое отношеніе къ Россіи, но въ рассматриваемый моментъ эта перемѣна еще не наступила.

Понимая, что Россія, въ силу своихъ традицій и симпатій, оставаясь вѣрной своей исторической роли, будетъ дѣятельно противиться осуществленію честолюбивыхъ замысловъ мадьяръ и не позволитъ имъ распоряжаться судьбою славянъ, кабинетъ гр. Бейста хотѣлъ создать такую политическую конъюнктуру, которая парализовала бы наше противодѣйствіе и была бы благопріятна осуществленію плановъ Будапештскаго кабинета. Этимъ объясняются раздавшіяся въ то время обвиненія противъ Россіи въ томъ, что она была единственной причиной всѣхъ тревоженій на Востокѣ, которыя она будто бы поддерживала систематически, при чемъ усердно подчеркивалось, что этому долженъ быть положенъ конецъ, если державы не хотятъ ускорить паденіе Турціи. Въ то время какъ гр. Бейстъ распространялъ подобные слухи и искалъ сближенія съ Франціей, тогда намъ враждебной, эта держава была со своей стороны не прочь сблизиться съ Габсбургскою монархіей и вмѣстѣ съ нею привлечь Англію къ союзу противъ Россіи²⁾.

„Въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 г. скончался въ Ниццѣ послѣ непродолжительной болѣзни Фуадъ-паша, одинъ изъ выдающихся дѣятелей Турціи, лѣтъ около двадцати стоявшій во главѣ ея управленія вмѣстѣ съ Али-пашею. Его исчезновеніе съ политическаго горизонта произвело въ Константинополѣ огромное впечатлѣніе и дѣйствительно было для Порты чувствительной потерей. Смерть Фуада-паши особенно поразила Али-пашу, который, несмотря на свое соперничество съ нимъ и нѣкоторое разногласіе во мнѣніяхъ, раздѣлялъ его политиче-

¹⁾ Въ 1914 г. оказалось, что венгерскіе дѣятели еще не поняли своей роли. *Ред.*

²⁾ Каково это читать теперь, при разгромѣ турецкихъ Дарданеллъ Англо-Французскимъ флотомъ. *Ред.*

скіе взгляды и привыкъ нести вмѣстѣ съ нимъ бремя власти“. Графъ Игнатъевъ такъ характеризуетъ этихъ двухъ видныхъ дѣятелей Турціи, съ которыми ему приходилось не разъ ломать копья, отстаивая интересы Россіи. „Али-паша, говоритъ онъ, былъ серьезный государственный дѣятель, но несмотря на свои европейскіе внѣшніе приемы, онъ былъ въ душѣ истинный турокъ и противникъ христіанъ; Фуадъ-паша обладалъ умомъ космополитическимъ, былъ скорѣе европеецъ, нежели турокъ; человекъ безъ предразсудковъ, очень впечатлительный и нѣсколько поверхностный, находчивый, разносторонній и поэтому способный приспособляться къ обстоятельствамъ. Изъ этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей, въ лицѣ которыхъ воплощалась вся политика турецкаго правительства, Али-паша обладалъ несомнѣнно болѣе глубокими качествами, его умъ, хотя не столь блестящій, былъ глубже. Но духъ инициативы, присущій Фуаду-пашѣ, его энергія и находчивость въ особенности удивительная гибкость его дарованій, дѣлали его самымъ выдающимся лицомъ изъ сановниковъ Турціи. Никто такъ, какъ онъ, не умѣлъ замаскировать ошибки своего правительства и поддержать въ глазахъ Европы престижъ страны. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Фуадъ-паша оказалъ родинѣ выдающіяся политическія заслуги, быть можетъ, не достаточно оцѣненные большинствомъ его единовѣрцевъ, но которыя съ европейской точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго признанія. Что касается собственно отношенія къ Россіи, то присущая Фуаду-пашѣ доля легкомыслія была причиною, что у него не было въ этомъ отношеніи никакихъ предвзятыхъ идей. Въ послѣдніе годы жизни онъ не питалъ къ намъ никакой вражды. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ высказалъ близкимъ къ нему лицамъ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ такъ долго ошибался въ оцѣнкѣ истинныхъ интересовъ Турціи, которые онъ могъ бы лучше отстаивать, опираясь на насъ, нежели на западныя державы, „которыя не понимаютъ Турціи“. Если бы онъ пожилъ еще, быть можетъ, онъ сблечилъ бы сближеніе Турціи съ нами и явился бы противовѣсомъ нерѣшительному Али-пашѣ. Впрочемъ, они прекрасно дополняли другъ друга во всемъ“.

„Оставшись по смерти Фуада-паши одинокимъ, потерявъ поддержку своего коллеги, Али-паша вынужденъ былъ одинъ бороться противъ своихъ многочисленныхъ противниковъ и упалъ духомъ. Тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ поборотъ всѣ трудности и воспользоваться всѣми преимуществами, какія можно

было извлечь изъ создавшагося положенія. Оставаясь вѣрнымъ принципу котораго онъ держался вмѣстѣ съ Фуадомъ-пашею, онъ старался сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Самые опасные соперники великаго визиря, Митхадъ и Намыкъ-паша были высланы изъ Константинополя; лидеры старой турецкой партіи: Руджи, Риза, Кибризли потеряли всякое значеніе. Министерство было сформировано изъ лицъ, вполнѣ преданныхъ Али-пашѣ, совмѣстившаго постъ великаго визиря съ портфелемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Обезпеченный огромной властью, пользуясь всецѣло довѣріемъ султана и большимъ вліяніемъ какъ въ Турціи, такъ и на западѣ, которое возросло послѣ Парижской „конференціи“, Али-паша оставался до смерти во главѣ управленія“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года французскій посланникъ въ Константинополь, Буре, былъ отозванъ. Отъѣздъ этого дипломата, который въ теченіе трехлѣтняго пребыванія въ Константинополь держалъ себя по отношенію къ намъ враждебно, не могло пройти незамѣченнымъ.

„Прекрасный знатокъ Востока, говоритъ объ немъ графъ Игнатъевъ, онъ искренно желалъ блага Турціи, но у него не было широты взгляда и онъ размѣнивался на мелочи. Кромѣ того, онъ завидовалъ лаврамъ лорда Стратфорда Редклифа; это толкнуло его на ложный и неблагодарный путь: онъ страстно желалъ способствовать возрожденію Турціи, но какъ человѣкъ нерѣшительный боялся всякой радикальной мѣры, которая влечетъ за собою личную отвѣтственность. Если, съ точки зрѣнія общей политики, отъѣздъ Буре былъ чувствительной потерей для турокъ, то, съ другой стороны, этотъ посланникъ имѣлъ даръ надобѣсть турецкимъ министрамъ своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Порты; онъ даже возстановилъ противъ себя самого султана, который относился къ нему послѣднее время съ ясно выраженной антипатіей. Турки вполнѣ понимали, что не найдется другого французскаго посланника, который былъ бы такъ преданъ ихъ интересамъ и сталъ бы такъ ревностно защищать ихъ и покрывать ихъ ошибки, какъ это дѣлалъ Буре, однако, они скоро позабыли выдающіяся услуги, оказанныя имъ Турціи въ ея столкновеніи съ Греціей, въ финансовыхъ дѣлахъ и въ инсценированіи реформъ, которыми Порта старалась поразить Европу; они забыли, какъ онъ умѣлъ скрывать недостатки турецкаго управленія и истинное положеніе Имперіи, тѣмъ не менѣе его отъѣздъ встревожилъ турецкихъ сановниковъ, не знавшихъ, какъ перемѣна посланника

отзовется на отношеніи къ Турціи французскаго посольства. Вскорѣ для Турціи возникъ новый предметъ живѣйшей тревоги. Объявленіе войны между Франціей и Пруссіей вызвало въ Константинополѣ величайшія опасенія. Порта написала, что если война не будетъ локализована или ежели она затянется надолго, то это неминуемо отразится на Востокѣ. Въ первый моментъ Турція рассчитывала на быструю побѣду Франціи и очень желала этой побѣды ¹⁾, боясь, чтобы въ противномъ случаѣ Франція не сблизилась съ Россіей и не заключила съ ней союзъ въ ущербъ интересамъ, которые она защищала въ Турціи.

Турки слѣдили съ живѣйшей тревогой за извѣстіями, доходившими съ театра военныхъ дѣйствій. Слухи о пораженіяхъ французской арміи повергали ихъ въ отчаяніе. Ихъ тревога усиливалась тѣмъ, что наши единовѣрцы были увѣрены, что побѣда Франціи ухудшитъ ихъ положеніе, и горячо желали успѣха прусской арміи. Явно туркофильская политика Тюльрийскаго кабинета, не скрывавшаго послѣдніе годы своихъ симпатій къ Портѣ, окончательно возстановила противъ Франціи христіанъ Балканскаго полуострова, и они стали тяготѣть къ Пруссіи. Смотри, по обыкновенію, на всякое европейское событіе со своей мѣстной точки зрѣнія, турецкіе подданные—христіане надѣялись, что война на Западѣ затянется надолго и что Россія успѣетъ выполнить въ это время то, что они считали ея исторической миссіей. Наши единовѣрцы были твердо увѣрены въ томъ, что между Россіей и Пруссіей заключенъ союзъ для взаимодѣйствія на Западѣ и на Востокѣ; какъ бы то ни было, уже въ самомъ началѣ войны можно было предсказать, что ежели Россія сохранитъ нейтралитетъ, то спокойствіе въ европейской Турціи не будетъ нарушено.

Мало-по-малу тревога улеглась, турки примирились съ перемѣной, происшедшей во Франціи, вслѣдствіе капитуляціи французской арміи подъ Седаномъ, и Али-паша даже говорилъ, что „императоръ Наполеонъ получилъ должное, что онъ усѣялъ Европу развалинами и что остается только пожелать Пруссіи полной и рѣшительной побѣды для того, чтобы эта раззорительная война скорѣе окончилась“.

Султанъ на аудіенціи, данной нашему посланнику въ сентябрѣ мѣсяцѣ, высказался еще болѣе опредѣленно: „никто не

¹⁾ Какъ теперь измѣнились желанія Турціи, нынѣ находящейся на содержаніи Германіи. Ред.

сдѣлалъ Турціи столько зла, какъ императоръ Наполеонъ своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла“, сказалъ онъ графу Игнатьеву.

Внезапная эволюція, совершившаяся въ отношеніи къ Франціи, которую турки цинично не старалась даже скрыть, была вызвана не столько политическими соображеніями, сколько бессознательнымъ страхомъ и уваженіемъ, который имъ внушала сила побѣдителя... Они думали, что Германія будетъ для нихъ болѣе вѣрной и безкорыстной союзницей, нежели Франція, которая заботилась, главнымъ образомъ, объ интересахъ католиковъ и ради нихъ всегда была готова произвести давленіе на Турцію. Хотя дружественныя отношенія, существовавшія между Петербургомъ и Берлиномъ, не особенно оправдывали соображенія турокъ, но они все-таки не теряли надежды на поддержку Германіи въ случаѣ опасности. Въ то же время они прекрасно понимали, какое выгодное положеніе создали намъ событія, совершившіяся на Западѣ Европы; они понимали, что мы выиграли на политической почвѣ на Востокѣ все то, что потеряла Франція.

„Волнуемый противоположными опасеніями и надеждами, великій визирь старался прежде всего выиграть время—обычная тактика турокъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которую Али-паша усвоилъ въ совершенствѣ“.

Однако, по мѣрѣ того, какъ яснѣе обозначался успѣхъ Пруссіи, тревога турокъ снова возрастала; они боялись, что Россія воспользуется моментомъ, когда вниманіе Европы будетъ отвлечено войною, чтобы настоять на улучшеніи судьбы христіанъ—подданныхъ Турціи. Особенно встревожила ихъ поѣздка въ Петербургъ Тьера, такъ какъ можно было думать, что сближеніе Россіи съ Франціей будетъ куплено цѣною уступокъ на Востокѣ; но и эти опасенія мало-по-малу улеглись. Твердый и миролюбивый образъ дѣйствій императорскаго кабинета не оставилъ повода для тревоги, тѣмъ болѣе, что среди христіанскаго населенія Турціи не было замѣтно ни малѣйшаго волненія.

„И все-таки Порты не была увѣрена въ завтрашнемъ днѣ; она боялась конгресса, которому предстояло ликвидировать послѣдствія войны и на которомъ, какъ носился слухъ, Россія намѣревалась потребовать пересмотра Парижскаго трактата“.

„Истинныя намѣренія Россіи никому не были извѣстны; объ нихъ ходили самые ложные и фантастичные слухи“.

Что касается графа Игнатъева, то онъ съ самаго своего прїѣзда въ Константинополь (въ 1864 году) выяснилъ турецкому правительству свой взглядъ на Парижскій договоръ 1856 года.

„Я далъ понять туркамъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, что статьи этого дипломатическаго акта, касающіяся ограниченія нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ и перемѣщенія нашей границы въ Бессарабіи, оскорбительны для нашего національнаго самолюбія и, слѣдовательно, такъ же вредны для истинныхъ интересовъ Турціи, какъ и для Россіи; и что Порта болѣе всего заинтересована въ томъ, чтобы наши желанія въ этомъ отношеніи были удовлетворены и чтобы мы не могли предъявить къ ней болѣе никакихъ требованій“.

„На практикѣ тревожное состояніе духа, овладѣвшее умами въ Константинополѣ, выразилось въ слѣдующихъ двухъ фактахъ: съ одной стороны Порта всячески старалась быть намъ пріятной и выказывала намъ въ нашихъ ежедневныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ такую предупредительность и такую сговорчивость, которая значительно облегчала наши сношенія съ нею (точно также турецкіе министры относились и къ Пруссіи). Съ другой стороны правительство султана, несмотря на безденежье, заботилось объ увеличеніи вооруженныхъ силъ Имперіи“.

Таково было политическое положеніе Турціи въ то время, когда нами былъ поставленъ вопросъ о Черномъ морѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

